

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 5–17.
Magistra Vitae. Electronic journal of historical sciences and archeology. 2025;10(4):5-17.

Научная статья

УДК 930.85

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-5-17>

Представительские функции московских генерал-губернаторов во второй половине XIX — начале XX века: механизмы репрезентации власти

Любовь Владимировна Климова

Российский государственный архив новейшей истории, Москва, Россия, klimovalubov@mail.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена исследованию способов репрезентации власти московскими генерал-губернаторами во второй половине XIX — начале XX в. В центре исследования находится Московское генерал-губернаторство и его роль в поддержании «самодержавного мифа». Московские генерал-губернаторы, являясь личными представителями монарха во второй столице государства, не только способствовали реализации царских «сценариев власти» (термин Р. Уортмана), но и работали над собственным образом «хозяина Москвы». Статья рассматривает обширный спектр инструментов, использовавшихся для формирования имиджа генерал-губернатора, включая празднования юбилеев, открытие памятников, торжественные обеды, балы и благотворительную деятельность, широко освещаемые в прессе. Исследуется эволюция «сценариев власти» в Москве от николаевского патриархального правления через александровский «сценарий любви» к национальному мифу эпохи Александра III. Автор показывает, как московские генерал-губернаторы адаптировались к меняющимся политическим условиям и личным предпочтениям монархов, формируя свой образ в соответствии с текущими потребностями власти. Особое внимание уделяется анализу деятельности московских генерал-губернаторов А. А. Закревского, В. А. Долгорукова и великого князя Сергея Александровича, демонстрирующих различные подходы к репрезентации власти, и их влиянию на восприятие обществом генерал-губернаторов. Впервые в историографии предпринимается попытка рассмотрения репрезентативных функций московских генерал-губернаторов в качестве личных представителей императорской власти в Москве, участвовавших в формировании образа монархии, как ключевого элемента легитимации власти. Статья вносит вклад в понимание механизмов формирования и поддержания самодержавного мифа в Российской империи, а также раскрывает роль местной администрации в реализации монархических «сценариев власти». Делается вывод, что, несмотря на все усилия властей, нарастающая десакрализация российской монархии в начале XX в. привела к трагическим последствиям и показала неэффективность прежних методов укрепления государственного строя.

Ключевые слова: генерал-губернатор, сценарий власти, презентация, образ, церемония

Для цитирования: Климова Л. В. Представительские функции московских генерал-губернаторов во второй половине XIX — начале XX века: механизмы репрезентации власти // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2025. Т. 10, вып. 4. С. 5–17. URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistra-vitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-5-17>*

Scientific article

<https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-5-17>

Representative Functions of Moscow Governors-General in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Mechanisms of Power Representation

Lyubov V. Klimova

Russian State Archive of Contemporary History, Moscow, Russian Federation, klimovalubov@mail.ru

Abstract. The presented article is devoted to the study of the ways in which Moscow's governors-general represented power in the second half of the 19th and early 20th centuries. The focus of the study is on the Moscow Governorate-General and its role in maintaining the "autocratic myth." As personal representatives of the monarch in the second capital of the country, the Moscow governors-general not only contributed to the implementation of the tsar's "power scenarios" (as defined by R. Wortman), but also worked to create their own image as the "master of Moscow." The article examines a wide range of tools used to shape the image of the Governor-General, including anniversary celebrations, the unveiling of monuments, gala dinners, balls, and charitable activities that were widely covered in the press. It explores the evolution of "power scenarios" in Moscow, from the patriarchal rule of Nicholas I to the "love scenario" of Alexander II, and the national myth of Alexander III. The author shows how the Moscow governors-general adapted to the changing political conditions and personal preferences of the monarchs, shaping their image in accordance with the current needs of the government. Special attention is paid to the analysis of the activities of the Moscow governors-general A. A. Zakrevsky, V. A. Dolgorukov, and Grand Duke Sergei Alexandrovich, who demonstrate different approaches to the representation of power, and their influence on the perception of the governors-general and the monarchy by society. For the first time in historiography, this article attempts to examine the representative functions of the Moscow governors-general as personal representatives of the imperial power in Moscow, who participated in the formation of the image of the monarchy as a key element of the legitimation of power. The article contributes to understanding the mechanisms of the formation and maintenance of the autocratic myth in the Russian Empire, as well as reveals the role of the local administration in the implementation of the monarchical "power scenarios". It is concluded that, despite the authorities' efforts, the growing desacralization of the Russian monarchy in the early 20th century led to tragic consequences and demonstrated the ineffectiveness of previous methods for strengthening the state system.

Keywords: the Governor General, the scenario of power, presentation, image, ceremony

For citation: Klimova LV. Representative Functions of Moscow Governors-General in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries: Mechanisms of Power Representation. *Magistra Vitae. Electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2025;10(4):5-17. (In Russ.). URL: <https://magistravitaejournal.ru/ru/archive/44-magistravitae-4-2025.html> <https://www.doi.org/10.47475/2542-0275-2025-10-4-5-17>

Введение

Появившаяся в России в результате реформ Петра I должность генерал-губернатора (государева наместника), объединявшего под своим управлением сразу несколько губерний, вплоть до 1775 г. имела почетный характер, мало чем отличаясь от губернаторской. Путем различных видоизменений к середине XIX в. эта должность трансформировалась из простой хозяйственно-административной в исключительную политическую. С середины XIX в. деятельность генерал-губернаторов регулировалась «Общей инструкцией генерал-губернаторам»¹ 1853 г. Они провозглашались «главными блюстителями неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоря-

жений высшего правительства по всем частям управления во вверенном им крае». В инструкции отмечалось, что генерал-губернаторы назначаются на свою должность самим императором и «по особому личному к ним доверию Его Императорского Величества». Основное отличие этого указа от предыдущих инструкций и наказов заключалось в подчеркивании ответственности генерал-губернаторов за состояние умов. Они должны были устранять на своей территории «всякий повод к ложным понятиям, превратным толкованиям и гибельному лжеумудрствованию», что приобрело особую важность после революций 1848 г. в Западной Европе.

Генерал-губернаторства являлись чрезвычайным институтом власти, распространенным преимущественно на окраинах Российской империи, требующих особого внимания со стороны верховных властей. Заложенные в их функцио-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (далее — ПСЗ-2). Т. XXVIII. Отд. 1. СПб., 1854. С. 260–264.

нал противоречия (главным образом в отношении к центральным и местным органам управления) на протяжении всего XIX в. вызывали горячие дискуссии о необходимости сохранения этого, по выражению П. А. Зайончковского, «искусственного средостения между губернской администрацией и верховной властью» [Зайончковский, 1978, с. 145]. Во второй половине XIX в. наблюдалась тенденция отхода от практики генерал-губернаторского управления на постоянной основе. В 1856 г. было упразднено Харьковское генерал-губернаторство, в 1866 г. — Санкт-Петербургское, в 1874 г. — Новороссийское и Бессарабское генерал-губернаторства, в 1876 г. — Прибалтийское, в 1881 г. — Оренбургское, в 1882 г. — Западно-Сибирское. Тем не менее, несмотря на постепенное сокращение количества постоянных генерал-губернаторств (на фоне появления временных), самодержавие было не готово полностью отказаться от этого института власти в условиях обострения общественно-политического кризиса. Главными защитниками генерал-губернаторств были императоры, чувствующие потребность иметь своего личного представителя на местах. Особую роль в этом отношении играла Москва. Московское генерал-губернаторство, хотя и не являлось национальной окраиной империи, пережило все территориально-административные реформы и продемонстрировало удивительную устойчивость на фоне преобразований XIX в. Необходимость наличия в Москве особого представителя императора была обусловлена историческим значением второй столицы государства [Климова, 2008, с. 34–40].

В последние десятилетия, на фоне «перформативного поворота» в историографии [Берк, 2008; Бахманн-Медик, 2017, с. 122–169], можно заметить возросшее внимание исследователей к изучению процессов создания и презентации образов власти в Российской империи [Пугачева, 2015; Долбилов, 2021; Вережкина, 2023]. Классической работой в этом направлении стала монография американского историка Р. С. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». Уортман вводит понятие «сценарий власти», включающее в себя репрезентативные приемы и способы, которыми русские правители воздействовали на своих подданных. Эти «сценарии» наполняли особым смыслом монархические церемонии и ритуалы. Как отмечают отечественные историки, подход Уортмана вывел изучение российской монархии на качественно новый уровень, выйдя за рамки модернизационной парадигмы [Андреев, 2003,

с. 97; Долбилов, Семенов, 2002, с. 43–44]. При этом осуществление императорских сценариев не заканчивалось на уровне верховной власти. Репрезентация монархии как в зеркале отражалась в деятельности ее главных представителей в различных частях империи — генерал-губернаторов. Реализация символических и мифологических функций власти на местном уровне управления наиболее ярко проявлялась именно в Москве вследствие ее особого статуса. Поэтому изучение представительских функций московских генерал-губернаторов позволяет расширить наши взгляды на формирование самодержавного мифа и его роли в системе управления Российской империи, а также дает возможность оценить влияние «сценариев власти» на деятельность местной администрации.

Роль Москвы в самодержавном мифе

Одним из инструментов управления в Российской империи был миф о трансцендентности самодержцев, создаваемый и поддерживаемый самими монархами. Этот миф формировался посредством различных церемоний, торжеств и ритуалов, целью которых было возвышение царя над его народом и создание в глазах подданных его недостижимого образа. Господствуя в политической культуре российской монархии, миф должен был обеспечить беспрепятственное осуществление власти. Образ самодержца возносился на божественную высоту, недостижимую для политической борьбы и каких-либо конфликтов. «Пышные, подчиненные строгому ритуалу представления, требовавшие от русской монархии неимоверных расходов и затрат времени, свидетельствуют о том, что русские правители и их советники считали символику и образность церемоний насущно необходимыми для осуществления власти» [Уортман, 2004, т. 1, с. 18].

Москва в этой политической системе играла особую сакральную роль. Древняя столица в общественном мнении являлась сердцем страны, носителем ее духа. Именно там короновались русские императоры, принимая на себя освещенные церковью атрибуты царской власти. Там же проходили пышные коронационные торжества (въезд царя в Москву, балы, парады, народные гулянья), представлявшие собой ритуал единения Петербурга и Москвы, европеизированной элиты со старомосковскими святынями, высшего общества и народа [Уортман, 2004, т. 2, с. 55]. Как справедливо отмечает А. Мартин: «Если бы Москва не существовала, пропагандистам теории офици-

альной народности стоило бы ее изобрести, так как в этом городе русские традиции превосходно сочетались с просвещенной модерностью. Утверждение о том, что Москва воплощала в себе вневременную суть русской нации, в которой исчезали социальные различия, превратилось в штамп» [Мартин, 2015, с. 353]. Этот вывод американского историка выразительно иллюстрирует передовая статья известного московского публициста, главного редактора газеты «Московские ведомости» М. Н. Каткова, написанная по случаю приезда в город императора с наследником престола: «Москва не есть просто город, не кирпич и известность ее домов, не люди, в ней живущие, составляют ее сущность. Кроме всего этого, Москва есть историческое начало, Москва есть принцип. <...> Сказать Москва — значит сказать: русская держава нераздельна и едина, значит сказать: русский престол есть неотъемлемое и нераздельное достояние русского народа и составляет одно с ним. <...> Какие бы формы ни приняла наша жизнь, какие бы ни образовались в ней новые сочетания, какие бы новые элементы ни вошли в ее единство, сила этого единства должна остаться в основании, и символ его есть Москва»².

Основные ритуалы и церемонии, формирующие образ монархии, проходили в Москве. Кроме коронационных торжеств, посещение Москвы, начиная с Александра Николаевича, стало обязательным мероприятием в воспитательной программе наследников престола. Императоры посещали вторую столицу, чтобы подчеркнуть свое благоволение к ней и повысить значение Москвы как символа нации. И Москва «часто давала церемониальные подтверждения преданности русского народа своему европеизированному государю» [Уортман, 2004, т. 1, с. 532]. Так, после европейских революционных событий 1848 г. Николай I дважды посетил Москву (в 1849 и 1851 гг.), демонстрируя свою близость к прошлому страны и подчеркивая тем самым ее отличие от Западной Европы. Современники оставили восторженные описания московских встреч императора с народом, во время которых простые люди демонстрировали безусловную любовь и преданность монарху, а Москва становилась местом символического единения всех сословий и государя [Барсуков, 1896, с. 221–222].

Генерал-губернаторы, являясь представителями самодержавия в Первопрестольной, вольно или

² Московские ведомости. № 182 (19 августа) // Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1865. М., 1897. С. 516–517.

невольно копировали образ правления верховной власти, что находило свое отражение в церемониях и торжествах, в центре которых находились главы местной администрации. Московские начальники выступали здесь в двух ипостасях: с одной стороны, являясь частью имперского сценария и участниками царских ритуалов, с другой — организуя собственные церемонии местного значения (балы, торжественные обеды, открытия памятников), определяющие образ «хозяина» Москвы в глазах общества. В том числе от того, насколько хорошо тот или иной генерал-губернатор и его образ соответствовали текущему «сценарию власти», зачастую зависела его карьера и расположение императора.

Генерал-губернатор А. А. Закревский как представитель николаевской эпохи

Согласно концепции Р. С. Уортмана, начиная с правления Петра I и до смерти Николая I самодержцы воплощали в своих царствованиях европейский миф, который возвышал элиту и императорскую семью над народом за счет их «чужеземности» [Уортман, 2004, т. 1, с. 20]. Сакральность власти в рамках этого мифа проистекала из византийской, римской, французской или немецкой символики. В то же время в рамках мифа каждый правитель реализовывал свой «сценарий власти», приспособивая его к текущим условиям и исходя из своих личностных качеств. Так, Николай I создал династический сценарий власти, впервые за долгий период истории Российской империи реализовав принцип законного перехода самодержавной власти от отца к старшему сыну. Для формирования династической традиции было недостаточно правовых оснований, установленных Павлом I. Монарх и его семья должны были соответствовать определенным моделям публичного поведения. Демонстрируя свою принадлежность к правящей фамилии, олицетворявшей высшие ценности человечества, император возвеличивал свой образ в глазах народа [Уортман, 2004, т. 1, с. 329]. Николай I идеализировал семейные ценности, преданность которым делала царскую семью образцом для подражания, в то же время приближая ее к народу. Одновременно с этим российское самодержавие начинает искать национальные корни монархии, что получило свое воплощение в теории «официальной народности», отождествлявшей народ с самодержавием. Согласно этой теории, «народность» воплощала преданность народа своему царю. В то же время она оправдывала демонстрацию сильной власти со стороны импе-

ратора, его авторитарный стиль управления, так как это была власть патриархальная, «отеческая».

Арсений Андреевич Закревский (1783–1865) в лучших своих чертах представлял собой идеал генерал-губернатора николаевской эпохи. Властный, уверенный в себе, всецело преданный престолу генерал-губернатор воплощал образ «патриархального» правителя, «хозяина» и «отца» Москвы, столь близкий и самому императору. Закревский бережно хранил и возвышал статус московского генерал-губернатора, подчеркивая его исключительность. Отстаивая свое право на пользование императорской ложей бенуара в Большом театре, он писал директору императорских театров А. М. Геденову: «Понятия московской и петербургской публики о звании военного генерал-губернатора совершенно различны. В Москве военный генерал-губернатор есть главный представитель власти, в Петербурге много властей выше него. <...> Дать генерал-губернатору ложу в бельэтаже или бенуар наряду с прочей публикой значит оскорбить и унижить в глазах Москвы звание главного начальника столицы и дать праздным людям, которых здесь более нежели где-либо, повод к невыгодным толкам. <...> Прошу Вас, Милостивый Государь, довести до сведения его Светлости Министра императорского двора, что по вышеизложенным причинам я нахожу несовместимым с достоинством московского военного генерал-губернатора иметь ложу в здешнем большом театре в ряду обыкновенных лож или бенуаров. Собственно, для меня не нужно никакой ложи, но меня огорчает то, что в лице моем оскорбляется звание московского военного генерал-губернатора» [Кузовлева, 1996, с. 96–97]. Доводы А. А. Закревского помогли сохранить ему эту привилегию за собой и своими преемниками. Очевидно, что формированию образа генерал-губернатора придавалось большое значение в управлении регионом, так же, как образу царя — в системе управления Россией.

Одним из важных условий презентации власти генерал-губернаторов являлись балы и торжественные обеды, устраиваемые как самими «хозяевами» Москвы, так и в их честь. При посещении императором Москвы в 1849 г. генерал-губернатор Закревский дал в своем доме большой бал-маскарад в национальных костюмах. В рамках национальных претензий николаевского сценария это переодевание имело особый смысл, который улавливали и его участники. С. П. Шевырев, литературный критик славянофильских взглядов, так

описывает свои впечатления от бала: «При виде этого зрелища, при звуках родных песен не одно плечо под тяжким генеральским эполетом подымалось от знакомого русского чувства и, конечно, не одно сердце билось русским трепетом»³. Император был в восторге от маскарада и велел повторить его на следующий день в Московском дворянском собрании. Однако надежды московских славянофилов на сближение монарха с народом были преждевременны. «Целью николаевских демонстраций национального духа было не сближение самодержавной дворянской элиты с управляемым народом, а сохранение дистанции между ними, изображение подчинения как духовного свойства нации» [Уортман, 2004, т. 1, с. 524]. Появление на маскараде некоторых дворян с бородой и в национальном костюме вызвало циркуляр Министерства внутренних дел в адрес губернских предводителей дворянства, в котором говорилось, что «государю неуютно, чтобы русские дворяне носили бороды, так как на западе борода — это знак известного образа мыслей» [Барсуков, 1896, с. 251]. По мнению Уортмана, официальная точка зрения отождествляла нацию с правящей европеизированной элитой и предположение, что можно искать иного определения нации — в крестьянстве или в прошлом, являлось проявлением бунта [Уортман, 2004, т. 1, с. 524].

Ярким примером публичных мероприятий, способствовавших репрезентативной функции московских властей, был торжественный обед, устроенный А. А. Закревским в честь юбилея победы в Отечественной войне 1812 г. Одиннадцатого октября 1852 г. исполнилось 40 лет, как Наполеон покинул Москву. В этот день граф Закревский собрал у себя уцелевших участников войны 1812 г. Их оказалось в Москве: 60 генералов, 238 штаб- и обер-офицеров и 719 унтер-офицеров и рядовых, всего 1 017 человек, из которых явилось 894⁴. Память об изгнании французов из Москвы была одним из элементов, формирующих образ Москвы как символа России и народного единства, и не могла быть обойдена вниманием московского генерал-губернатора.

³ Шевырев С. П. Русский праздник, данный в присутствии их императорских величеств 9-го и 11-го апреля // Москвитянин. 1849. Апрель. С. 28.

⁴ Дубельт Л. В. Дневник. 1851 г. // Российский архив : история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах. М., 1995. С. 189; Московские ведомости. 1852. 14 октября. № 124.

Москва в «сценарии любви» Александра II

В 1855 г. на престол взошел Александр II, не наделенный властной уверенностью и твердостью своего отца. Будучи не в состоянии придерживаться сценария власти Николая I, Александр создал собственную форму самопрезентации, которую Р. Уортман назвал «сценарием любви» [Уортман, 2004, т. 2, с. 37–224]. Еще наследником престола Александр Николаевич привык к проявлениям любви и восторга окружающих. Только в атмосфере принятия и восхищения он чувствовал себя уверенно и комфортно. Взяв руководство страной в тяжелых условиях фактически проигранной войны, Александр предпринял путешествие по империи, во время которого наблюдал знаки любви и преданности своего народа. Посетив в сентябре 1855 г. Москву, Александр II был встречен «умилением, слезами, восторженными криками несметной толпы». Он писал князю И. Ф. Паскевичу: «Посреди сих тяжких обстоятельств сердцу моему было отрадно в родной Москве встретить заветный, душевный прием» [Татищев, 1903, с. 161].

Поражение в Крымской войне вызвало у Александра II понимание необходимости перемен и стремление опереться на любовь своего народа. В манифесте об окончании войны 19 марта 1856 г. император провозгласил: «Да развиваются повсюду и с новой силою стремление к просвещению и всякой полезной деятельности, и каждый под сенью законов для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов невинных»⁵. Этот манифест ознаменовал отход власти от прежнего режима усиленного административного контроля и символизировал начало новой эпохи [Уортман, 2004, т. 2, с. 48].

Коронационные мероприятия в августе 1856 г. открывались торжественным въездом императора со свитой в Москву, где их встречал московский генерал-губернатор. Затем следовала собственно церемония коронации, сопровождавшаяся многочисленными проявлениями взаимной любви царя и народа, активно муссировавшимися в прессе. Коронация ознаменовалась манифестом, которым Александр амнистировал многих политических заключенных, в том числе сосланных декабристов, простил несостоятельных должников, на три года отменил рекрутскую повинность, сократил сроки тюремного заключения, освободил от полицейского надзора лиц, «оставленных в подо-

зрении» судебным приговором [Татищев, 1903, с. 223–224]. В течение последующих дней устраивались многочисленные торжественные мероприятия: парады, театральные представления, обеды и балы. В Большом Кремлевском дворце был дан маскарад национальных костюмов, повторявший бал московского генерал-губернатора 1849 г. Все эти события символизировали приход нового, милосердного правителя, создавая гуманный образ власти. Дальнейшие реформы и главная из них — освобождение крестьян — представлялись как акт добровольного пожертвования дворянами и благодеяние императора своему народу, в ответ на которое народ должен был демонстрировать любовь и благодарность монарху.

Вторую годовщину своей коронации Александр II отмечал в Москве, воспользовавшись этой поездкой, чтобы активизировать деятельность московского дворянства по проблеме крестьянской реформы. Обращаясь к дворянам и упрекая их за нежелание приступить к решению крестьянского вопроса, Александр говорил: «Я люблю дворянство, считаю его первой опорой престола. Я желаю общего блага, но не желаю, чтобы оно было в ущерб вам; всегда готов стоять за вас, но вы для своей же пользы должны стараться, чтобы вышло благо для крестьян. Помните, что на Московскую губернию смотрит вся Россия» [Татищев, 1903, с. 338]. Изображая освобождение крестьян как выражение личных эмоциональных связей между царем и дворянством, Александр II сделал невозможным сопротивление реформе. Противодействие ей означало бы отказ от чувства любви и привязанности, которые дворянство должно было испытывать к своему монарху. В этих условиях отставка убежденного противника реформ А. А. Закревского, не сумевшего приспособиться к новому сценарию власти и оказывающего пассивное сопротивление начинаниям императора, была неизбежна.

С 1859 по 1865 г. на посту московского генерал-губернатора последовательно сменились С. Г. Строганов, П. А. Тучков, М. А. Офросимов, по разным причинам не задержавшиеся в этой должности. Хотя все они, как и Закревский, были генералами с боевым прошлым и вполне консервативными взглядами, эти «начальники» Москвы создавали уже совсем другой образ генерал-губернатора. Свои взаимоотношения с московским обществом генерал-губернаторы новой эпохи выстраивали на основе взаимного уважения и доверия, демонстрируя стиль власти, соответствующий александровскому «сценарию любви».

⁵ ПСЗ-2. Т. XXX. Отд. 1. № 30273. С. 132.

Но и в этом сценарии власти генерал-губернаторы не должны были забывать об особом месте Москвы в истории России и в общественном мнении.

Московский губернский предводитель дворянства в 1885–1890 гг. граф С. Д. Шереметев писал в своих воспоминаниях: «Они [генерал-губернаторы] могли делать ошибки и должны были иметь присущие каждому человеку недостатки, но, стоя на московском посту, они сознавали и обязательств свои гораздо шире, чем иные представители власти на других местах ответственных. Конечно, служебный долг и ответственность одни и те же везде, но тут-то по отношению к Москве и является тот оттенок, который никак не может быть понятен тому правительственному персоналу, который не придает никакого особого значения самой Москве как не бывшей, а донныне существующей столице. <...> Ряд московских генерал-губернаторов, включая и графа Закревского (который еще не оценен беспристрастно) поддерживал значение занимаемого места личными качествами и чертами благородного независимого характера. <...> Вполне на высоте положения стояли П. А. Тучков, граф С. Г. Строганов, М. А. Офросимов»⁶.

Сменивший в августе 1865 г. М. А. Офросимова князь Владимир Андреевич Долгоруков (1810–1891) занимал пост московского генерал-губернатора последующие 25 лет. Приехав в Москву в сентябре 1865 г., он вполне вписался в сложившуюся там практику «добросердечного» управления. «Улыбка не сходила с его губ, когда приветствовал он всех к нему обращавшихся и его посещавших»⁷. Долгоруков сразу сумел расположить к себе и московское духовенство, и дворянство, и купечество, и городское самоуправление. Но, налаживая связи в Москве, генерал-губернатор не забывал и о своем статусе главы второй столицы. Как и его предшественники, новый московский генерал-губернатор чувствовал необходимость отстаивать престиж своей власти.

Назначение В. А. Долгорукова в Москву совпало с отменой военных функций московского генерал-губернатора. В приказе, вышедшем 30 августа 1865 г., говорилось, что заведование военной частью и комендантское управление в городе Москве должно быть передано командующему войсками округа на общем основании (Положение 6 августа 1864 г.)⁸. В связи с этим было изменено

и название должности московского генерал-губернатора — он перестал именоваться «военным».

По воспоминаниям военного министра тех лет Д. А. Милютин, «изменение это было не совсем приятно кн. В. А. Долгорукову; ему казалось, что положение его в Москве будет унижено ... озабочивало его, что уже не будет он играть первенствующей роли в первопрестольной столице, тем более что лично он был в чине моложе генерала Гильденштуббе [командующего московским военным округом. — Л. К.]»⁹.

Долгоруков даже решил высказать свои опасения в записке, направленной императору, в которой он объяснял необходимость соединения в Москве гражданской и военной власти. Для успокоения Владимира Андреевича было объявлено, что генерал-губернатор в Москве по-прежнему сохраняет первенство в городе, даже если «моложе» в чине военного начальства, за исключением его отношения к войскам. «Хотя такой компромисс и не мог вполне удовлетворить честолюбие и тщеславие нового генерал-губернатора, дело обошлось без дальнейших затруднений и никаких столкновений между гражданской и военной властью не произошло»¹⁰.

Новый генерал-губернатор не был в Москве чужим. «Сестра его княгиня Львова, живя безотлучно в Москве, веселила москвичей постоянными балами, на которых нередко присутствовал и ее брат, князь В. А. Долгоруков»¹¹. Балы и приемы активно использовались генерал-губернатором как средство самопрезентации. «В условиях, когда бал являлся одним из мест, где формировалось общественное мнение, завязывались знакомства и решались вопросы карьеры, неформальная информационная составляющая взаимодействия участников играла даже более значимую роль, чем коммуникативная. <...> Своеобразная презентация на балу могла способствовать завязыванию новых знакомств, необходимых для продвижения по служебной лестнице или даже вхождения в новое общество» [Усанова, Архипова, 2022, с. 74]. Через три дня после приезда в Москву Долгоруков устроил первый большой прием в своем особняке для представителей всех сословий, всех чиновников генерал-губернаторской канцелярии и офицеров Московского военного округа. В дальнейшем балы у генерал-губернатора, по меткому

⁶ Мемуары графа С. Д. Шереметева : в 3 т. Т. 1. М., 2001. С. 328.

⁷ Там же. С. 331.

⁸ ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. 1. № 41162. С. 699.

⁹ Милютин Д. А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 96.

¹⁰ Там же. С. 97.

¹¹ Никифоров Д. И. Москва в царствование императора Александра II: воспоминания. М., 2013. С. 133.

выражению Д. А. Милютин, «всегда блестящие и скучные»¹², проводились часто и всегда получали отражение в прессе, описывающей их «великолепие»¹³.

Другим средством презентации власти, популярным во второй половине XIX — начале XX в., было празднование различных юбилеев. Своеобразным «рекордсменом» в проведении подобных мероприятий в Москве был генерал-губернатор В. А. Долгоруков, прослуживший на этом посту четверть века. Для того чтобы поздравить генерал-губернатора с круглой датой, в его доме собирались представители всех учреждений, организаций и обществ Москвы¹⁴ — от Московской городской думы и губернского дворянского собрания до Императорского общества любителей рысистого бега и Московского артистического кружка. Каждый такой праздник начинался с богослужения в церкви, а затем продолжался приемом в доме генерал-губернатора. Желая поздравить князя наполняли парадные комнаты его дома. Кроме поздравительных речей генерал-губернатору вручались подарки: иконы, редкие издания библии, художественные альбомы и другие предметы искусства и сувениры. Но самым популярным видом подарков было открытие в честь Долгорукова именных стипендий и пособий в учебных заведениях, кроватей и коек в больницах и богадельнях, а также дополнительных отделений в московских образовательных и медицинских учреждениях. Этот вид благотворительности ничего не стоил московскому генерал-губернатору, в то же время формируя его позитивный образ в глазах общественности. Со стороны московских меценатов же это был удачный способ внести свой вклад в улучшение жизни города, оказав при этом внимание влиятельной персоне.

Каждый юбилей сопровождался выходом памятной книги с описанием служебного пути генерал-губернатора, хода самого праздника, поздравительных речей и подарков. В них включались поздравительные рескрипты от императора и телеграммы от членов императорской семьи. Во вступлении к описанию празднования десятилетия генерал-губернаторства В. А. Долгорукова отмечаются его «общедоступность, умение избегать всякого столкновения, ... редкое радушие,

приветливость и любезность в обхождении, гостеприимство и истинное русское барское хлебосольство»¹⁵. Подобная характеристика после отставки А. А. Закревского давалась и другим московским генерал-губернаторам эпохи Александра II, стиль управления которых вполне соответствовал его сценарию власти.

Празднования юбилеев в Российской империи вообще и в Москве в частности отвечали задаче презентации власти и формирования определенного «имиджа» монархии. Генерал-губернаторы, являясь представителями самодержавной власти, несли на себе отпечаток ее образа и делали свой вклад в его раскрытие. В то же время торжества обеспечивали «обратную связь» с обществом, давая ему шанс выразить свою «любовь и преданность» власти. В этом смысле представляют интерес слова городского головы С. М. Третьякова в адрес В. А. Долгорукова: «... День Вашего юбилея был особенно дорог для Москвы, потому что она в этот день имела возможность перед вами высказаться, открыть Вам свою душу»¹⁶. Понятно, что выражение своего восхищения и любви по отношению к генерал-губернатору в обычной рабочей обстановке выглядит не совсем уместно и больше похоже на грубую лесть, праздники же (и особенно юбилеи) создают для этого идеальные условия. Здесь важно не то, насколько искренни были проявления лояльности со стороны московского общества, а то, что оно чувствовало необходимость в этой демонстрации. Как отмечает М. Долбилов, «для нормального функционирования российского самодержавия весьма важным было умение властей разграничить не только нелояльность и лояльность правителю, но и различные модусы самой лояльности. Они выражались посредством узнаваемых эмоциональных состояний, говорящих поведенческих практик и, конечно же, аффективно маркированной речи» [Долбилов, 2021, с. 23]. Так же, как поощрение восхваления самодержавия со стороны лояльных подданных «расширяло круг соучаствующих в официальном и неформальном производстве образов монарха и правящего дома» [Долбилов, 2021, с. 36], так и активное выражение москвичами своих чувств по отношению к генерал-губернатору являлось частью перформативных практик, формирующих образ местной власти.

Через четыре года после первого юбилея Москва еще более торжественно праздновала пятидесятилетие службы В. А. Долгорукова в офицер-

¹² Милютин Д. А. Указ. соч. С. 463.

¹³ См., напр.: Бал второго января // Московские ведомости. 1866. 5 января. № 3. С. 3.

¹⁴ Празднование десятилетия московского генерал-губернаторства князя Владимира Андреевича Долгорукова 31 августа 1875 г. М., 1875. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 1.

¹⁶ Там же. С. 122.

ских чинах. Описывая это событие, М. Н. Катков витийствовал: «Можно сказать, что всё общество слилось в одно единое торжественное заявление не только своего безграничного уважения, но и искренней любви к виновнику торжества»¹⁷. Церемониальное выражение лояльности москвичей к генерал-губернаторской власти демонстрирует также поздравительная речь городского головы С. М. Третьякова, в которой он отмечал: «Мы высоко чтим в Вас, князь, и достойнейшего правителя Москвы, внушившего его жителям доверие и уважение, и почтеннейшего члена общества, снискавшего себе приветливостью и добротой всеобщую любовь. Не только власть и официальные отношения, но и нравственная внутренняя связь соединяет вас с Москвой»¹⁸. Подчеркивание нравственной составляющей отношений власти и общества было характерно для русской монархии XIX — начала XX в. и нашло свое отражение в местном «сценарии власти». Таким образом, юбилейные торжества, создавая условия для выражения лояльности горожан и одновременно формируя положительный образ генерал-губернатора, становились одним из способов легитимации его власти.

При генерал-губернаторе В. А. Долгорукове было завершено строительство Храма Христа Спасителя, символизирующего благодарность русского народа Богу за победу России в Отечественной войне 1812 г. и служившего памятником погибшим воинам. Возведение Храма совершалось под руководством особо учрежденной в 1837 г. комиссии, которая была независима в своей деятельности от каких-либо министерств. Во главе комиссии стояли, по особому высочайшему повелению, московские генерал-губернаторы, которые руководили строительством и предоставляли императору всеподданнейшие доклады о его ходе. О личном отношении монархов к строительству Храма свидетельствуют слова, начертанные на табличке, которую Николай I положил на месте закладки первого камня: «...повелением Благочестивейшего Самодержавнейшего Великого Государя Императора Николая Павловича приступлено к исполнению священного обета, данного в Бозе почивающим Императором Александром I...» [Мостовский, 1918, с. 8]. Именно завершение стро-

¹⁷ Празднование пятидесятилетия службы в офицерских чинах московского генерал-губернатора генерала от кавалерии генерал-адъютанта князя Владимира Андреевича Долгорукова 14 апреля 1879 г. М., 1879. С. 119.

¹⁸ Там же. С. 66.

ительства Храма выделяет Александр III в своем поздравительном рескрипте как один из важнейших «трудов» Долгорукова за все годы его службы на посту генерал-губернатора¹⁹. Возведение Храма Христа Спасителя в Москве было делом государственного масштаба, внося вклад в сакрализацию самодержавной власти, и возложение на московских генерал-губернаторов руководства этим процессом выводило престиж их должности с местного уровня на государственный.

Еще одним символическим строительством в Москве стало возведение памятника Александру II. После убийства императора в марте 1881 г. было созвано чрезвычайное собрание Московского губернского земства, на котором обсуждался вопрос о сооружении в Кремле памятника Александру II. На собрании была принята следующая резолюция: «Земство Московской губернии признает священным долгом сохранить навсегда в потомстве вечной славы достойные деяния Царя, душу Свою положившего за благо России. А потому Московское губернское земское собрание постановляет: 1) Повергнуть пред Его Императорским Величеством всеподданнейшее ходатайство о сооружении в Московском Кремле памятника в Бозе почившему Государю Императору Александру Николаевичу. 2) Так как памятник этот должен быть выражением благоговейной дани Русского народа Царю-Освободителю и сооружен на средства всей Земли Русской, то в твердом убеждении, что все земства и города Империи единодушно отзовутся на призыв к участию в этом сооружении, всеподданнейше ходатайствовать, дабы разрешено было Московскому земству принять на себя почин в этом деле» [Климаков, 1996, с. 7]. Аналогичное решение было принято на экстренном собрании Московской городской думы.

Выбор проекта памятника и его постройка оставались под наблюдением министерства императорского двора. Организацию сбора пожертвований взял на себя московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков, возглавив специально созданный Комитет для сооружения в Кремле памятника Александру II и разослав во все сословные организации сообщение об открытии по всей Российской империи подписки для сбора пожертвований на строительство памятника [Ульянова, 1999, с. 127]. На выбор проекта памятника, устраивавшего

¹⁹ Празднование двадцатипятилетия службы генерал-адъютанта князя Владимира Андреевича Долгорукова в должности московского генерал-губернатора 31 августа 1890 г. М., 1891. С. 2.

императорскую семью, ушло несколько лет. В итоге был выбран проект скульптуры академика А. М. Опекушина в обрамлении галереи, созданной Н. В. Султановым и П. В. Жуковским. Подготовительные работы по возведению памятника начались в 1890 г., а открытие его состоялось в 1898 г. при новом генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче. О том, какое значение придавалось московским генерал-губернатором возведению этого памятника, говорит первый биограф Сергея Александровича А. Г. Авчинников. По его словам, великий князь лично следил за строительными работами, давая «ценные указания своим сотрудникам» по этому вопросу [Авчинников, 1915, с. 30]. Сейчас трудно сказать, какого рода это были «ценные указания», но то, что возведению памятника Александру II придавалось огромное идеологическое значение и императором, и московским генерал-губернатором, несомненно.

«Сергей очень доволен, хотя и страшится немного этого назначения»

Убийство в 1881 г. императора Александра II означало крах «сценария любви». Пришедший к власти Александр III начал формировать не только собственный сценарий власти, но и новый миф самодержавия, основанный на возвращении к истокам допетровской России. Новая политика русского монарха соответствовала его личным убеждениям, сформировавшимся еще в годы юности, и необходимости поиска других путей развития России в условиях страха и подозрительности после убийства самодержца. Национальный миф нового царствования идеализировал XVII век, позаимствовав у славянофилов идею о том, что в допетровский период единению царя и народа не мешали западные институты власти и идеалы. Александр III воплощал образ царя, органически связанного с русской нацией узами народности и религии [Уортман, 2004, т. 2, с. 707]. Коронация Александра III и послекоронационные торжества эксплуатировали тему московского прошлого династии. Для банкета в Грановитой палате был восстановлен интерьер XVII в. с фресками Семена Ушакова. После банкета оркестр и хор Большого театра исполнили кантату П. И. Чайковского «Москва» на слова А. А. Майкова, в которой превозносилась триумфальная роль Москвы в объединении русских земель. Во время коронационных торжеств император впервые дал обед для волостных старшин, избранных присутствовать на коронации. Таким образом, крестьянство было символически включено в структуру российской

монархии [Уортман, 2004, т. 2, с. 308–314]. В новом мифе самодержавной власти нация уже не ассоциировалась с образованной европеизированной элитой, под ней подразумевался собственно народ, крестьянство.

Московский генерал-губернатор В. А. Долгоруков с его веротерпимостью, мягкими манерами, способностью найти подход к любым сословиям органично вписывался в сценарий власти Александра II, но оказался не ко двору в правление грубоватого и прямолинейного Александра III. Граф С. Д. Шереметев так описывал положение, в которое попал В. А. Долгоруков после 1881 г.: «В сущности, он никогда не мог оправиться после этого удара и примениться к новому направлению. Он даже несколько простодушно высказывался о перемене системы и способов для взаимных отношений. “Ныне требуется откровенность!”», — говорил он недоуменно, как бы даже сетуя на эту печальную необходимость. С внешней стороны всё осталось по-прежнему в его положении, но старый царедворец легко мог понять, что положение изменилось, что ему оставлена лишь внешняя представительность, но что по существу с ним уже не считаются как с величиною»²⁰.

Трудно сказать, что мешало Александру III избавиться от московского генерал-губернатора в первые годы своего правления. Возможно, долгие годы беспорочной службы его на этом посту, множество наград, относительное благополучие и спокойствие второй столицы при В. А. Долгорукове (а значит, отсутствие серьезного повода). Может быть, тогда перед императором стояли более насущные проблемы. Так или иначе, но торжественно отметив в 1890 г. свое двадцатипятилетие на посту генерал-губернатора и перешагнув через восьмидесятилетний рубеж, В. А. Долгоруков смог уйти с должности достойно «по состоянию здоровья».

Четырнадцатого февраля 1891 г. Александр III написал цесаревичу Николаю Александровичу: «Вот новость, которая тебя удивит, я решился назначить Д[ядю] Сергея в Москву генерал-губернатором вместо Долгорукого, выжившего за последнее время совершенно из ума. Сергей очень доволен, хотя и страшится немного этого назначения, но я уверен, что он справится и, конечно, будет стараться послужить с честью»²¹.

²⁰ Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 333.

²¹ Степанов В. Л. Письма Императора Александра III к Наследнику Цесаревичу Великому Князю Николаю Александровичу // Российский архив : история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.

Назначение на должность московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (1857–1905) воспринималось в обществе как стремление императора возвысить Москву, придать ей новый блеск древней столицы. Торжественный въезд генерал-губернатора в город сопровождался церемониями, достойными не только главы Москвы, но и члена августейшей семьи. «Был разработан особый церемониал, утверждены списки приветствующих лиц, разосланы объявления о порядке встречи и проезда по улицам Москвы, приведены в готовность военные и гражданские чины» [Иванова, 2015, с. 151]. Сергея Александровича сопровождала его свита, которая в дальнейшем составила Двор великого князя в Москве. Наличие копии императорского двора в Москве казалось некоторым современникам неуместным и искажающим суть Первопрестольной. «Интересы генерал-губернатора стали выше общих интересов, — писал граф С. Д. Шереметев, — вместо того, чтобы подчеркивать генерал-губернаторство, подчеркивалось Великокняжество. <...> В Москве не может и не должно быть двора, кроме Царского. Великий князь, живущий в Москве, прежде всего царский подданный и слуга»²².

Несмотря на очевидное стремление Александра III поднять престиж Москвы как древней столицы и символа русской нации назначением на пост генерал-губернатора своего брата, эта мера не достигла своей цели. Личные качества Сергея Александровича и его неумение (или нежелание) работать над своим имиджем создали отрицательный образ генерал-губернатора в глазах наиболее активных слоев московского общества: предпринимателей, дворян, интеллигенции. Его постоянно сравнивали с радушным и хлебосольным В. А. Долгоруковым, и это сравнение было не в пользу Сергея Александровича. «Его высокая фигура, неподвижное, точно каменное лицо, стеклянные глаза — производили неприятное впечатление. Его холодное безучастие ко всему окружающему делало его чужим и чуждым Москве...»²³. Даже трагическая гибель генерал-губернатора не произвела особого впечатления на горожан. Секретарь городской думы Н. И. Астров вспоминает только сдержанное любопытство в ответ на эту новость и сочувствие великой княгине Елизавете Федоровне, «к которой относились гораздо лучше, чем к великому князю»²⁴. Тем не менее стоит от-

метить, что неприязнь москвичей к Сергею Александровичу, описанная в дневниках и воспоминаниях его современников, относится прежде всего к образованной части общества, практически не затрагивая народ. В. Ф. Джунковский, адъютант московского генерал-губернатора, вспоминал, как в 1892 г. крестьяне встречали Сергея Александровича, участвовавшего в крестном ходе, восторженными криками «Ура!». Для этих людей персона великого князя, которого они не знали лично, несла на себе печать обаяния императорской власти. Тем не менее в начале XX в. «монархический дух», начиная с образованных слоев общества, стал покидать русский народ, что в том числе повлияло на создание самой возможности революции [Розенталь, 2004, с. 155].

Заключение

Презентация власти в соответствии с мифами русской монархии во второй половине XIX — начале XX в. являлась важной составляющей деятельности московских генерал-губернаторов, оказывая влияние как на выстраивание взаимоотношений с московским обществом, так и на кадровую политику монарха по отношению к Москве. Несмотря на это нарастающая десакрализация российской монархии в начале XX в. и формирование устойчивого негативного образа Сергея Александровича как ретрограда и реакционера в глазах общества привели к убийству великого князя в феврале 1905 г. Однако император не осознавал, что попытки сплотить народ вокруг патриотической идеи посредством праздников и церемоний уже не достигают прежнего эффекта. Пышные юбилейные торжества в последние годы царствования Николая II (празднования 200-летия Санкт-Петербурга и Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны и 300-летия Дома Романовых) рассматривались как средство укрепления монархии, наглядный пример единения народа и монарха. Тем не менее, как отмечает И. С. Розенталь, «несмотря на все усилия и затраты, при всей внешней эффектности праздничных мероприятий и удовлетворенности царя тем, как они прошли, главной цели они не достигли» [Розенталь, 2004, с. 154]. В условиях модернизации государства искусственное ограничение развития гражданского общества, приоритет патерналистских методов управления способствовали усилению социальной напряженности и затрудняли стабилизацию государственного строя.

Вып. 9. М., 1999. С. 229.

²² Мемуары графа С. Д. Шереметева. Т. 1. С. 334.

²³ Астров Н. И. Воспоминания. М., 2000. С. 80–81.

²⁴ Там же. С. 81.

Список литературы

1. Авчинников А. Г. Великий князь Сергей Александрович : иллюстрированный биографический очерк. Екатеринбург, 1915. 79 с.
2. Андреев Д. А. Размышления американского историка о «Сценариях власти» в царской России // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 96–116.
3. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1896. Кн. 10. 583 с.
4. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М., 2017. 504 с.
5. Берк П. «Перформативный поворот» в современной историографии // Одиссей: человек в истории. 2008. С. 337–354.
6. Веревкина И. Н. Образы власти в интеллектуальном наследии С. Ю. Витте: конструирование и трансформация : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2023. 223 с.
7. Долбилов М. Аттестация «верноподданнических чувств»: Министерство императорского двора и народные панегирики дому Романовых в 1860–1880-х годах // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 22–37.
8. Долбилов М., Семенов А. и др. «Как сделана история»: Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии российской монархии» // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 42–66.
9. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России. М., 1978. 288 с.
10. Иванова Е. В. Великий князь Сергей Александрович на посту московского генерал-губернатора в 1891 г. // Великий князь Сергей Александрович на службе Москве и Отечеству. М., 2015. С. 150–164.
11. Климаков Ю. Его знала вся образованная Россия // Московский журнал. 1996. № 4. С. 4–11.
12. Климова Л. В. Правоохранительные аспекты деятельности московских генерал-губернаторов во второй половине XIX в. по материалам секретного отделения канцелярии генерал-губернатора // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». М., 2008. № 3. С. 34–40.
13. Кузовлева О. В. Управление Москвой: взгляд в прошлое // Московский архив: историко-краеведческий альманах. Вып. 2. 1996. С. 92–103.
14. Мартин А. Просвещенный метрополис: созидание имперской Москвы. 1762–1855. М., 2015. 448 с.
15. Мостовский М. С. Храм Христа Спасителя в Москве. М., 1918. 336 с.
16. Пугачева К. А. «Сценарий власти» и церемониальная культура Петергофа в эпоху Николая I // Ярославский педагогический вестник. Том I (Культурология). 2015. № 2. С. 131–136.
17. Розенталь И. С. Москва на перепутье: власть и общество в 1905–1914 гг. М., 2004. 256 с.
18. Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование : в 2 т. Т. 2. СПб., 1903. 538 с.
19. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 1 : от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. 605 с.
20. Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 : от Александра II до отречения Николая II. М., 2004. 796 с.
21. Усанова Н. С., Архипова М. Л. Прагматика бала в России в диахронном аспекте: от истории к современности // Вестник славянских культур. 2022. № 65. С. 74.
22. Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. 510 с.

References

1. Avchinnikov AG. *Velikij knyaz' Sergej Aleksandrovich. Illyustrirovannyj biograficheskij ocherk* = *Grand Duke Sergei Alexandrovich. Illustrated biographical sketch*. Ekaterinoslav; 1915. 79 p. (In Russ.)
2. Andreev DA. An American historian's reflections on "Power Scenarios" in Tsarist Russia. *Voprosy istorii* = *Questions of history*. 2003;(10):96-116. (In Russ.)
3. Barsukov NP. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* = *The Life and Works of M. P. Pogodin*. St. Petersburg; 1896. Vol. 10. 583 p. (In Russ.)
4. Bachmann-Medick D. *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* = *Cultural Turns. New Orientations in the Humanities and Social Sciences*. Moscow; 2017. 504 p. (In Russ.)
5. Burke P. The Performative Turn in Recent Cultural History. *Odisej: chelovek v istorii* = *Odysseus: A Man in History*. Moscow; 2008. Pp. 337–354. (In Russ.)
6. Verevkina IN. *Obrazy vlasti v intellektual'nom nasledii S. Yu. Vitte: konstruirovanie i transformaciya* =

Images of Power in the Intellectual Heritage of S. Yu. Witte: Construction and Transformation. PhD Thesis in History. Perm'; 2023. 223 p. (In Russ.)

7. Dolbilov M. Certification of “Loyalty”: The Ministry of the Imperial Court and Popular Praise of the Romanovs in the 1860s and 1880s. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review.* 2021;5(171):22-37. (In Russ.)

8. Dolbilov M, Semenov A. “How history is made”: discussion of R. Wortman’s book “Scenarios of Power. Myths and Ceremonies in Russian Monarchy”. *Novoe literaturnoe obozrenie = New literary review.* 2002;(56):42-66. (In Russ.)

9. Zajonchkovskij PA. *Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii = The Government Apparatus of Autocratic Russia.* Moscow; 1978. (In Russ.)

10. Ivanova EV. Grand Duke Sergei Alexandrovich as Moscow Governor-General in 1891. In: *Velikij knyaz' Sergej Aleksandrovich na sluzhbe Moskve i Otechestvu = Grand Duke Sergei Alexandrovich in the Service of Moscow and the Fatherland.* Moscow; 2015. Pp. 150–164. (In Russ.)

11. Klimakov Yu. He was known throughout educated Russia. *Moskovskij zhurnal = Moscow Journal.* 1996;(4):4-11. (In Russ.)

12. Klimova LV. Law enforcement aspects of the activities of the Moscow governors-general in the second half of the 19th century, based on materials from the secret department of the governor-general’s office. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Regional University.* 2008;(3):34-40. (In Russ.)

13. Kuzovleva OV. Moscow’s Governance: a Look into the Past. *Moskovskij arkhiv. Istoriko-kraevedcheskij al'manakh = Moscow Archive. Historical and Local History Almanac.* Vol. 2. Moscow; 1996. Pp. 92–103. (In Russ.)

14. Martin A. *Prosveshchennyj metropolis: sozidanie imperskoj Moskvyy. 1762–1855 = Enlightened Metropolis: Constructing Imperial Moscow. 1762–1855.* Moscow; 2015. 448 p. (In Russ.)

15. Mostovskij MS. *Khram Khrista Spasitelya v Moskve = The Cathedral of Christ the Savior in Moscow.* Moscow; 1918. 336 p. (In Russ.)

16. Pugacheva KA. “The Scenario of Power” and the Ceremonial Culture of Peterhof in the Era of Nicholas I. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Tom I (Kul'turologiya) = Yaroslavl Pedagogical Bulletin. Vol. I (Cultural Studies).* 2015;(2):131-136. (In Russ.)

17. Rozental' IS. *Moskva na pereput'e: vlast' i obshchestvo v 1905–1914 gg. = Moscow at a Crossroads: Power and Society in 1905–1914.* Moscow; 2004. 256 p. (In Russ.)

18. Tatishchev SS. *Imperator Aleksandr II. Ego zhizn' i carstvovanie: v 2 t. T. 2 = Emperor Alexander II. His Life and Reign: in 2 Vol. Vol. 2.* St. Petersburg; 1903. 538 p. (In Russ.)

19. Wortman RS. *Scenarii vlasti: mify i ceremonii russkoj monarkhii: v 2 t. T. 1: ot Petra Velikogo do smerti Nikolaya I = Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy: in 2 vols. Vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I.* Moscow; 2004. 605 p. (In Russ.)

20. Wortman RS. *Scenarii vlasti: mify i ceremonii russkoj monarkhii: v 2 t. T. 1: ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II = Wortman, R. S. Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy: in 2 vols. Vol. 1: From Alexander II to the abdication of Nicholas II.* Moscow; 2004. 796 p. (In Russ.)

21. Usanova NS, Arkhipova ML. The Pragmatics of the Ball in Russia in the Diachronic Aspect: From History to the Present. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures.* 2022;(65):71-82. (In Russ.)

22. Ul'yanova GN. *Blagotvoritel'nost' moskovskikh predprinimatelej: 1860–1914 gg. = The Philanthropy of Moscow Businessmen: 1860–1914.* Moscow; 1999. 510 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Климова — главный специалист Российского государственного архива новейшей истории, исследователь.

Information about the author

L. V. Klimova — Chief Specialist at the Russian State Archive of Contemporary History, Researcher.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.